

Тао Жань замер посреди больничного коридора, тем самым преградив путь. Лишь когда кто-то из медперсонала, толкавшего больничную койку, нетерпеливо попросил его отойти, мужчина опомнился и поспешно прижался к стене.

— ... заместитель Тао, алло, заместитель капитана Тао, ты все еще здесь?

Пребывая в оцепенении, Тао Жань не слышал сказанного Лан Цяо. Он спешно опустил голову и почесал нос:

— А, да, я здесь, что-то еще?

— За очень короткий отрезок времени на территории страны сначала погиб Чжоу Цзюньмао, затем произошло похищение Чжоу Хуайцзиня и убийство Чжоу Хуайсиня, а теперь еще и этот загадочный взрыв, унесший жизни Чжэн Кайфэна и Ян Бо ... — понизив голос, сказала Лан Цяо. — Они не были простыми людьми. Заместитель Тао, ты должен морально подготовиться. Директор Лу примчался, как только услышал об этом, но, едва успев присесть, тут же получил телефонный звонок и был куда-то вызван.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился Тао Жань.

— Скажу прямо, — вздохнула Лан Цяо, — в последние годы клан Чжоу сделал множество инвестиций внутри страны, к тому же у них надежная поддержка за рубежом. С тех пор, как мы начали расследование в отношении их компании, эти люди всячески пытались нам помешать. Теперь они подняли шумиху по поводу смерти Чжэн Кайфэна и необоснованных арестов Чжоу Хуайцзиня и Ху Чжэньюя. В зарубежных СМИ появились новости о внутреннем заговоре против клана Чжоу. Только что мы получили срочное уведомление, в котором босса просят предоставить отчет о произошедшем сегодня и написать объяснительную. До завершения внутреннего расследования ответственный руководитель будет временно... отстранен от исполнения обязанностей.

Тао Жань прислонился к белой обшарпанной больничной стене, не замечая, что измазал спину известью. Спустя мгновение он сказал:

— Я не расслышал тебя, сяо Цяо, повтори-ка еще раз.

Лан Цяо не осмелилась издать и звука.

Тао Жань трижды сосчитал языком каждый зуб мудрости у себя во рту и, приложив невероятную силу воли, смолчал.

Прежде, сильно переволновавшись, Тао Жань покрылся испариной и промерз до мозга костей. Теперь же, когда температура его тела постепенно снижалась из-за ночного осеннего ветра, ему казалось, будто его внутренние органы бросили в кипящий котел, а кровь забурлила от

гнева. Тао Жань несколько раз глубоко вздохнул, так и не восполнив израсходованный при «сгорании» кислород.

— Что сказал директор Лу? — спросил Тао Жань.

— Директор Лу тоже бессилён, — сказала Лан Цяо. — Сегодня случилось два громких происшествия с ужасными последствиями. Сейчас вокруг этого дела возникло множество теорий заговора, которые ставят под сомнение нашу эффективность и компетенцию. Знаешь, инцидент Ван Хунляна до сих пор не забыт. Многие люди думают, что полиция не заслуживает доверия...

Хорошее дело не выходит за дверь, плохое дело распространяется на тысячу ли¹.

Броситься в одиночку в самую гущу банды наркоторговцев, чтобы заполучить важнейшие улики; грамотно руководить спасением автобуса, полного похищенных детей; работать всю ночь напролет, ища доказательства для раскрытия дела двадцатилетней давности – все это было лишь частью их работы и не стоило упоминания.

Но стоило полиции один раз оступиться, как тут же поднялась паника, и люди принялись их осуждать². Казалось, на них смотрели пронизывающими взглядами³, проникающими сквозь униформу и под кожу, а в каждой увиденной косточке обществу непременно мерещилось слово «заговор».

Люди требовали разъяснений, но если в столь шокирующем случае не удавалось найти главного виновника, кто-то все равно должен был понести за это ответственность.

— Все хорошо, — возможно он взял себя в руки, потому что ему позвонила Лан Цяо, ведь мужчины склонны вести себя более сдержанно перед девушками. Наконец, Тао Жань сумел совладать со своим языком: — Все хорошо, сяо Цяо, не переживай. Отнесись к этому, как к обычному докладу. Я напишу отчет и объяснительную, как только вернусь. Не беспокой пока капитана Ло, в любом случае сейчас ему не так уж важно, отстранен он от следствия или нет. Мы же не заставим инвалида вернуться к сверхурочной работе, верно? Зато ему не придется отпрашиваться по болезни.

— Так, сейчас... — сказала Лан Цяо.

— Сейчас делайте то, что должно. Во-первых, продолжайте расследование Чжэн Кайфэна, копайте, несмотря ни на что. Чжэн Кайфэн мертв, значит, не создаст больше никаких проблем, так? Во-вторых, займитесь Чжоу Хуайцзинем и Ху Чжэньюем. Чжоу Хуайцзинь хочет сотрудничать с нами, а Ху Чжэньюй обладает реальной властью в штаб-квартире Чжоу в Яньчэн. Даже если у них нет убедительных доказательств, по крайней мере, им известно больше, чем нам. Если будет нужно, попросите Чжоу Хуайцзиня выступить с заявлением, в конце концов, он настоящий наследник Чжоу. А в-третьих... в-третьих... — Тао Жань замолчал. Суставы его пальцев, сжимающих телефон, побелели, а на тыльной стороне ладони вздулись вены. Он несколько раз пытался, но так и смог произнести что же «в-третьих».

Разве мог он сказать, что среди них завелся предатель и нужно провести тщательное расследование?

Да и как это осуществить?

Вызывать каждого человека по одному в «черную каморку», допрашивать их всех, как преступников, проявляя великодушие к тем, кто сознался, и строго наказывать тех, кто не признал своей вины?

Неужели им недостаточно бури снаружи? Стоит ли добавлять к ней еще и внутренний раздор?

С кем ему поговорить об этом?

Кому он теперь мог доверять?

— Заместитель Тао, что, в-третьих?

— Я еще... не придумал, — с трудом ответил ей Тао Жань. — Дай мне сначала подумать. Подожди, пока я приведу свои мысли в порядок.

Его, казалось бы, спокойный и решительный тон убедил Лан Цяо. В тот же миг Тао Жань окликнул ее и повторил:

— Не беспокой капитана Ло. Все остальное в порядке. Не волнуйся.

Просто слушая его голос, можно было почти что наяву представить привычную добродушную улыбку заместителя капитана Тао.

Лан Цяо его не заподозрила, она просто сказала «хорошо» и сбросила вызов.

У Тао Жаня сдавило грудь, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Как только в его телефоне раздались короткие гудки, последняя капля спокойствия, с помощью которой он насилу сохранял самообладание, исчезла без следа. Ему хотелось просто вскочить, вытоптать в земле огромную яму и прореветь: «Да пошел ты нахуй!».

Увидев выражение его лица, все проходящие мимо люди машинально ускоряли шаг, опасаясь, что этот мужчина наверняка какой-нибудь обиженный родственник, собравшийся устроить поножовщину. Двое патрулирующих охранников настороженно наблюдали за ним.

Тао Жань внезапно поднял свой телефон и нацелился на противоположную стену, собираясь разбить его.

Но когда телефон уже практически покинул его руку, Тао Жань вдруг вспомнил о грошах⁴ на его зарплатной карточке. В этом месяце он уже оплатил ипотеку, так что оставшихся денег не хватило бы на покупку нового приличного телефона. Ему все еще нужно было связываться с коллегами, быть в курсе текущей обстановки и в любой момент предоставлять отчет начальству. Он просто не смел по собственному желанию потерять связь.

Подумав так, он чуть крепче сжал едва не погибший при служебных обстоятельствах телефон. Так как другой возможности выпустить пар у него не оставалось, мужчина снял с телефона пластиковый чехол и использовал его в качестве козла отпущения, разломав невинный предмет на куски.

Именно в этот момент послышался голос женщины, с лица которой, казалось, никогда не сходила лучезарная улыбка:

— Ох, сяо Тао, на кого ты так рассердился?

Из лифта на другом конце коридора вышли три человека: шедший в нескольких шагах позади молодой парень с вещами в руках и супружеская пара средних лет. Мужчина был очень высок; если не считать серьезного и сдержанного выражения лица, он был просто зрелой копией Ло Вэньчжоу. Одета в платье с длинными рукавами моложавая женщина приветливо улыбалась. Тао Жань видел их всего несколько раз – это были родители Ло Вэньчжоу.

На мгновение Тао Жань растерялся, и тут же машинально выпрямился:

— Здравствуйте, тетя, дядя.

Мать Ло Вэньчжоу, Му Сяоцин, взяла яблоко из корзины с фруктами, которую нес помощник, и сунула его Тао Жаню, при этом нежно погладив его по голове:

— Посмотрите только, как же зол наш сяо Тао.

Тао Жань не знал, плакать ему или смеяться:

— Капитан Ло там.

Отец Ло Вэньчжоу, Ло Чэн, очень сдержанно кивнул ему и огляделся. Затем, заложив руки за спину, он зашагал в сторону Ло Вэньчжоу. Подойдя к раненому, мужчина ничего не сказал. Он заслонил свет и тяжело закашлялся.

Посмотрев вверх своими покрасневшими глазами, Ло Вэньчжоу встретился взглядом с отцом. Затем он поднял упавший на пол костыль и оперся на него, чтобы встать. Будучи хорошо вышколенным, капитан подвинулся, уступая место отцу.

Ло Чэн не стал с ним церемониться, он аккуратно приподнял штанины и со спокойной совестью сел на место раненого. Он окинул пренебрежительным взглядом сей бранный мир, словно восседал не на обшарпанном больничном стуле, а на «Железном троне».

Наконец, после продолжительного молчания старик прокомментировал совершенно новый образ Ло Вэньчжоу:

— Тебе стоит взять дырявый мешок и пойти попрошайничать в метро.

Ло Вэньчжоу продолжал хранить молчание, выражение его лица оставалось абсолютно непроницаемым.

— Ты еще и плачешь? — добавил Ло Чэн. — Разве это не обычное отстранение от работы и объяснительная?

Тао Жань:

— ...

Он отдал своим людям строгий приказ держать это в тайне. И хотя огонь в бумагу не завернешь⁵, по крайней мере, сейчас не стоило беспокоить Ло Вэньчжоу такими вопросами. Кто же мог подумать, что этот отец просто придет и разорвет бумагу!

Ло Вэньчжоу повернулся и посмотрел на Тао Жаня, который тут же отвел взгляд, готовясь ретироваться:

— Э-э... вы поговорите, а я пойду, отвечу на звонок.

— Подожди! — сказал Ло Вэньчжоу.

Тао Жань остановился и сконфуженно посмотрел на него.

Насыщенный запах лекарств окутал Ло Вэньчжоу, он закрыл глаза и замолчал.

У него все еще звенело в ушах, оглушительный рев взрыва многократно проигрывался в его памяти. К тому же, его мучили слуховые галлюцинации, капитану казалось, что запертая дверь реанимации открывается, и несуществующий медперсонал выносит приговор человеческой жизни.

— Вэньчжоу... — сказал Тао Жань.

— Возвращайся к дяде Лу, — неожиданно прервал его Ло Вэньчжоу. — Пускай он займется этим делом всерьез. И чем тщательнее, тем лучше. Пока я отстранен от следствия, проведите расследование внутри группы уголовного розыска сверху донизу. Никому из причастных сотрудников не разрешается уходить. Пусть каждый из них сдаст свои средства связи и приготовится к даче показаний.

Тао Жань на мгновение растерялся, но тут же пришел в себя — это была отличная возможность поймать предателя!

В этот момент рядом с ними Ло Чэн снова заговорил:

— Даже если сам президент США начнет убивать людей и устраивать поджоги в границах нашей страны, мы все равно будем иметь право вести расследование. Мы рады тем, кто вкладывает деньги в инфраструктуру, лучше зарабатывать и развиваться вместе. Но в отношении тех, у кого есть скрытые мотивы, необходимо принимать соответствующие меры. Сейчас Яньчэн развитой город, естественно появились люди, желающие получить выгоду за наш счет. В конце концов, какой сейчас век? Нам больше не нужно заискивать перед этими злонамеренными «богами богатства⁶». Сяо Тао, пожалуйста, передай мои слова директору Лу.

Тао Жань облегченно вздохнул и повернулся, собираясь уйти.

В этот момент двери отделения интенсивной терапии снова открылись, и Ло Вэньчжоу, пошатнувшись, направился к ним, чуть не упав вместе с выскользнувшим костылем. Раздраженный, он просто сунул надоедливый костыль под мышку, собираясь прыгать на одной ноге. Тао Жань испугался, что напарник окончательно растрясет свои мозги, и сразу же бросился вперед, чтобы удержать его:

— Медсестра!

Вышедшая медсестра сняла маску и посмотрела на бланк:

— Нужно заполнить «извещение» для только что прибывшего пациента. Сейчас его состояние немного стабилизировалось. Подпишите здесь, если не хотите, то ничего страшного.

— Как он сейчас? — поспешно спросил Тао Жань.

— Самый опасный период еще не прошел. Сложно сказать, — ответила медсестра. — Но сейчас похоже все движется в верном направлении. В конце концов, он еще молод. Ждите новостей... эй ты, на костылях, в чем дело? Ты тоже госпитализирован? Почему ты не в своей палате в такой час?

— Идем, идем, мы уже уходим. Просто он беспокоился, потому что пациент в той палате... — сказал Тао Жань.

— Мой возлюбленный, — произнес Ло Вэньчжоу.

Медсестра:

— ...

Тао Жань так сильно прикусил кончик языка, чуть не откусил его. Его глаза вдруг налились кровью, было так больно, что он едва не заплакал.

— Могу я еще немного побыть здесь? — спросил Ло Вэньчжоу.

По реакции медсестры было сложно определить, ошарашила ли ее эта новость, или же напротив женщина обладала широкими взглядами на жизнь, потому заявление мужчины ее не впечатлило. Она произнесла лишь короткое «О», после чего развернулась и ушла по своим делам, ничего больше не сказав.

А вот Тао Жань, Му Сяоцин и Ло Чэн - все трое одновременно уставились на Ло Вэньчжоу глазами, похожими на прожектора.

Ло Вэньчжоу не обратил никакого внимания на взгляды этих бездельников, он даже не разъяснил, что слегка поторопил события. Пошатываясь, он доковылял до мусорного бака, наклонился над ним и тут же опустошил содержимое своего желудка.

***

Ряд спасательных мер был скор и отвечал требованиям науки; слабая сила воли пациента ничуть не влияла на их результат.

Под воздействием сильного раздражителя, вырвавшего его из бесконечных кошмаров, Фэй Ду на несколько секунд пришел в сознание. Он смутно слышал шум медицинского оборудования, прибывающий и уходящий, словно прилив. Эти ритмичные звуки каким-то образом меняли форму, превращаясь в хорошо знакомую мелодию.

Мрачный особняк, взгляд женщины, засохшие цветы, комната с электрошоком... вся его жизнь и переживания стали силуэтами, наполненными песней, которую он прокручивал сотни тысяч раз.

«Не сдавайся! Тебе нельзя подчиняться! — безумный, истеричный женский голос неожиданно прорвался сквозь хаос в его барабанных перепонках: — Что я тебе читала? «Человека можно уничтожить, но его нельзя победить⁷». Фэй Ду! Фэй Ду!»

«Фэй Ду!»

1. 好事不出门，坏事传千里 hǎo shì bù chū mén, è shì xíng qiān lǐ

букв. хорошее дело не выходит за дверь, плохое дело распространяется на тысячу ли; обр. добрая слава лежит, а дурная бежит; добрая слава за печкой сидит, худая слава по свету бежит.

2. 千人所指 - qiānfūzhǐ - тысячи людей тычут пальцем; всеобщее осуждение; объект всеобщего возмущения, одиозный, позорно известный.

3. 火眼金睛 - huǒyǎn jīnjīng - букв. огонь и металл в глазах; обр.: а) злой вид, свирепое выражение; б) непреклонный, бесстрашный; в) глаз, способный различить все тайное и явное; бдительное око.

4. 三个臭皮匠 - sānguānliǎozǎo - диал. три тыквы да пара фиников (обр. в знач.: пустяк; мелочь, гроши).

5. 火在纸里包不住 - zhǐlǐ bāobùzhù huǒ - огня в бумагу не завернёшь; обр. шила в мешке не утаишь, тайное становится явным.

6. 财神 - cáishényé - миф. Цайшэнь, божество Богатства, бог денег; обр. маммон; очень богатый человек; человек, отвечающий за финансовые дела.

7. Человека можно уничтожить, но его нельзя победить - из повести-притчи американского писателя и журналиста Эрнеста Миллера Хемингуэя «Старик и море».

<http://bllate.org/book/12932/1135170>